

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

Рамиль Миргасимович Валеев

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти»

ПОВОРОТ НА ВОСТОК

Сборник статей к 70-летию Рамиля
Миргасимовича Валеева

Издательство Арт-Экспресс
Санкт-Петербург — Казань
2025

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
П 42

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института восточных рукописей РАН

Научное издание

Р е ц е н з е н т ы :

Доктор исторических наук Р. А. Набиев
Кандидат философских наук Т. В. Ермакова

Поворот на Восток. Сб. статей к 70-летию Рамиля Миргасимовича
Валеева / Сост. Т. А. Пан. Санкт-Петербург, Арт-Экспресс, 2025. — 564 с., илл.

ISBN 978-5-4391-1035-3

DOI: 10.48612/IVRRAN/ke4v-9zxe-f3u6

Сборник посвящен 70-летию доктора исторических наук, профессора Рамиля Миргасимовича Валеева — историка, преподавателя, крупнейшего в Татарстане специалиста по истории российского востоковедения, архивов и книжных собраний. В сборник вошли статьи его коллег, посвященные истории китаистики, маньчжуроведения, истории Ближнего и Среднего Востока, музейных и книжных коллекций, биографиям и переписке известных ученых, связанных с востоковедением в Казани. Кроме того, в сборнике затронуты вопросы взаимоотношения России и Востока, включая сюжеты, касающиеся истории, культуры и науки Татарстана.

Сборник рассчитан на всех интересующихся достижениями отечественного востоковедения.

© ИВР РАН, 2025

© КФУ, 2025

ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти», 2025

© Коллектив авторов, 2025

ISBN 978-5-4391-1035-3

© Издательство «Арт-Экспресс», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление	7
<i>Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова.</i> Профессор и коллега Рамиль Миргасимович Валеев: эскиз научной биографии	19
Библиография научных и учебных работ профессора Р.М.Валеева.	48
<i>В.Г. Дацышен.</i> Изучение истории Китая на Академическом этапе истории русского китаеведения	139
<i>Tatiana A. Pang.</i> The Manchu Studies in Russia in the 18 th –19 th Centuries	172
<i>Ю.Г. Благодар.</i> Роль российских печатных изданий в распространении знаний о Китае (XIX — начало XX вв.)	197
<i>И.В. Кульганек.</i> Три труда О.М. Ковалевского по монгольской филологии	218
<i>В.Л. Успенский.</i> О.М. Ковалевский о католичестве в Китае	230
<i>Д.А. Носов.</i> Столетие русского «рекогносцировочно-разведывательного» исследования Монголии: 1828–1928 гг.	243
<i>Гульджан Иналджик, Окан Ешилот.</i> Отчет Николая Федоровича Катанова о поездке в Минусинск (1896 г.)	253
<i>Hartmut Walravens.</i> Letters from Samuel Butler (1774–1839) to Julius Klapproth (1782–1835)	264
<i>И.Ф. Попова.</i> Неизданный сборник статей «Восточный Китай». Обзор содержания	273
<i>Н.А. Самойлов.</i> Русская почта в Китае и Османской империи в конце XIX — начале XX в.	290
<i>М.А. Козинцев.</i> К оценке научного наследия И.Н. Березина в советском востоковедении: очерк Б.М. Данцига	302
<i>Д.Е. Мартынов.</i> Доуве Фоккема: постмодернизм и китайская утопия	331
<i>Л.А. Сыченкова.</i> Типологические особенности крымско-татарской архитектуры в наследии российского востоковеда Б.А. Денике	350

<i>И.В. Герасимов.</i> Две арабские рукописи из наследия Ризаэтдина Фахретдинова в Архиве востоковедов ИВР РАН	379
<i>А.А. Арсланова, Н.Б. Пазина.</i> Материалы к неосуществленному каталогу персоязычных рукописей в коллекции Казанского Императорского университета (до 1855 г.) по черновикам профессора И. Ф. Готвальда (1813–1897 гг.)	392
<i>Ю.И. Дробышев.</i> Образ Чингис-хана в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина	421
<i>А.Ш. Кадырбаев.</i> Тюрки Дешт-и-Кыпчака и их взаимоотношения с соседними народами накануне монгольского нашествия	439
<i>Б.Л. Хамидуллин.</i> Казанское государство — цельная этнополитическая общность народов Среднего Поволжья и Западного Приуралья XV–XVI вв.	462
<i>И.Л. Кызласов.</i> Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение седьмой строки Суджинской стелы)	490
<i>С.А. Французов.</i> Персидские глоссы у ад-Дйнаварй	522
<i>Н.Н. Дьяков.</i> Алжир: война миллиона мучеников. К 70-летию начала освободительной войны в Алжире (1954–1962).	529
<i>С.А. Кириллина, В.Е. Смирнов.</i> Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока в преддверии реформы высшей школы	545
Список авторов	559

Н. Н. Дьяков

Восточный факультет СПбГУ

DOI: 10.48612/IVRRAN/tkbf-8rkb-rvfk

الجزائر: حرب مليون شهيد

**АЛЖИР: ВОЙНА МИЛЛИОНА МУЧЕНИКОВ.
К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
ВОЙНЫ В АЛЖИРЕ (1954–1962)**

Аннотация. Алжирская война, всколыхнувшая мировую общественность на рубеже 1950–60-х гг., дала наиболее яркий и драматический опыт антиколониального движения XX в. Итогом кровопролитной эпопеи, унесшей в общей сложности около миллиона жизней, стало не только освобождение Алжира от 130-летнего господства Франции, но и падение 4-й Республики, а затем и полное крушение одной из крупнейших трансконтинентальных империй Нового времени. Опыт колониальной истории Алжира заслуживает, на наш взгляд, большего внимания, нежели ему уделялось. Не случайно, кстати, «алжиризация» называли исследователи и наблюдатели сложные общественно-политические процессы на постсоветском пространстве, которые затронули судьбы миллионов «русскоязычных», в одночасье оказавшихся за бортом своей исторической родины. Война 1954–1962 гг., по сути, разделила

Фотография из сборника
фотодокументов: *Algerien. L'Algérie.*
Ein Bildband von Dirk Alvermann.
Berlin, 1960

новейшую историю Алжира, как и всего бывшего «французского Магриба», на два практически равных этапа: 1) *период относительной стабилизации колониального режима в первой половине XX столетия и далее* 2) *время стремительного подъема антиколониального движения и далее полвека «революционно-демократических» преобразований в социальной, политической и культурной сферах жизни.*

Почему все же и сегодня мы обращаемся к событиям 70-летней давности, развернувшимся на севере Африки и так часто напоминающим о себе на страницах книг А. Камю, Ж. Руа или А. Аллега, в стихах, песнях и фильмах, ставших классикой мирового искусства XX в.?

— *Миллион погибших и искалеченных в ходе «зачисток» и «допросов под пытками»? (За восемь лет алжирской войны ее жертвой стал каждый десятый житель страны, при этом погибли до 900 тыс. «туземцев» и более 100 тысяч «алжиро-европейцев»).*

— *Обреченность колониального общества, которое не смогли гарантировать от взрыва 130 лет «цивилизаторских» усилий одной из ведущих европейских держав?*

— *Безысходность «колониального тупика», о котором и сегодня нередко говорят применительно к ситуации в разных концах Евразии, в частности, в Передней Азии?*

— *Провал политики ассимиляции, которая должна была превратить в единое цивилизационное поле традиции и наследие многих народов и племен, сведенных некогда историей на алжирской земле: арабов и берберов, евреев и западносуданцев, итальянцев, испанцев и, конечно, французов?*

— *Какова причина краха этой колониальной утопии? Была ли это пресловутая несовместимость Востока и Запада или, может, извечная неуживчивость нового с традиционным; своего, кровного, с чужим, тем более с навязанным силой?*

— *Что толкнуло освободившийся Алжир на путь «социалистической ориентации»? Когда и как, казалось, на давно распаханной «народной революционной демократией» почве пустили корни*

арабский и берберский национализм, исламский фундаментализм и леворадикальная анархия?

— Способны ли алжирцы воспринимать себя как единую нацию в границах своего государства, или правы были аналитики из метрополии, объявлявшие Алжир исключительно «креатурой» французского «цивилизаторского гения»?

— И, наконец, остался ли у самих алжирцев иной путь к выживанию и спасению от молоха новой гражданской войны, кроме массовой эмиграции в бывшую метрополию, или другие страны Запада и Востока?¹

К сожалению, вряд ли сегодня, на пороге уже второй четверти XXI в. можно найти ответ на все эти вопросы, хотя, безусловно, он помог бы разобраться в перипетиях колониального и постколониального развития далеко не только алжирского общества.

На протяжении своей тысячелетней истории Алжир становился частью то одной, то другой империи местного или общерегионального значения. С древности побережье Среднего Магриба притягивало к себе захватчиков со всех концов Средиземноморья.

За тысячу лет до Рождества Христова финикийцы, а потом и их преемники — карфагеняне-пуны основали здесь десятки портов-факторий. После падения Карфагена земли античной Нумидии и Мавритании почти на полтысячелетия перешли под власть Рима, поставляя ему рабов, зерно и масло, вино и фрукты, дары недр и морей: металлы, самоцветы, жемчуг, коралл и т.п. В V в. уже нашей эры в Алжир пришли вандалы, а спустя еще столетие он оказался под властью Константинополя.

С приходом арабов и ислама на рубеже VII–VIII вв. земли и племена Алжира редко объединялись под властью общего правителя. По существу, лишь войдя в XVI в. в состав Османской империи в качестве ее западной провинции — *элета Джазаир-и-Гарп*, Алжир, да и то лишь в северных своих областях, впервые получил шанс развиваться как единое, а со временем и почти независимое от Порты, государство во главе с правителем-

¹ Дьяков Н.Н. К 50-летию начала освободительной войны в Алжире // Ближний Восток и Северная Африка. СПбГУ, 2004. С. 4–16.

деем, избравшимся местной янычарско-пиратской верхушкой и утверждавшимся Высокой Портой.

Три столетия османской истории Алжира (1520–1830) пришлись на период европейской колониальной экспансии на Востоке и в Африке. Борьба христианских держав и Порты за влияние в Средиземноморье дала на закате средневековья один из первых примеров западной «антитеррористической коалиции», объединившей «цивилизованный Запад» против пиратов «варварийского берега» — от Ливии на востоке, через Тунис и Алжир, вплоть до Марокко — на западе.

Военная и политическая напряженность у берегов Магриба не ослабевала и в Новое время. К концу XVII в. Франция объединила полученные от Османов концессии в Алжире в единую «Африканскую компанию», получившую монополию на поставки зерна и вскоре ставшую одной из самых доходных на французском рынке.

Посредниками в хлебных поставках из Алжира в Марсель выступали два известных торговых дома: Бакри и Буснаха. По-соседски доверившиеся им *деи* Алжира десятилетиями не могли получить от французов оплаты за зерно, которое, кстати, существенно поддержало Наполеона в его кампаниях в Европе и на Востоке. Решив напомнить в апреле 1827 г. о «старом долге» Парижа, дей Хусейн получил от консула Пьера Девалея не вполне дипломатичный и почтительный ответ. Возмущенный дей проучил невежу ударом опахала, вошедшим как в мировую историю, так и в историю французского колониализма.

Оскорбление французского дипломата вызвало в Париже острую дискуссию о необходимости похода на север Африки, которая подогревалась хором марсельских купцов и банкиров. В этих условиях, несмотря на предупреждения из Лондона, не желавшего усиления своего извечного соперника, Карл X, после ряда демонстративных попыток увещевать Хусейн-дея, дал согласие на подготовку «африканской кампании».

Алжир представлял собой лакомый кусок для Франции. Расположенный вблизи ее южного «лазурного» берега (ок. 700 км), лишенный военной поддержки от дряхлеющей Порты и к тому же

потерявший свой некогда грозный флот в результате карательных атак со стороны США (1815), Англии и Голландии (1816), Алжир имел еще дерзость требовать от Парижа оплаты по «хлебным кредитам», превышавшим 7 млн фр.

Судьба западного *эялета* Порты была предрешена. Подошедшая к его берегу эскадра из полутысячи боевых и транспортных судов, с почти 40-тысячным десантом на борту открыла летопись колонизации Магриба. Легко подавив сопротивление войск *дея*, французы под командованием графа де Бурмона вынудили его капитулировать 5 июля 1830 г., захватив заодно казну и товаров более чем на 50 млн фр.

Дальнейший ход столь успешно начатой африканской кампании был приостановлен Июльской революцией (1830), но вступивший на престол «король-буржуа» Луи-Филипп Орлеанский после недолгих колебаний вновь поднял знамя войны.

В августе 1834 г. под возраставшим давлением купцов и банкиров, а также по рекомендации парламентской «Африканской комиссии», Луи-Филипп объявил о присоединении захваченных алжирских земель к Франции.

Не в состоянии подавить сопротивление туземных племен, вовсе не считавших, что капитуляция *дея*, турецкого вассала, означала сдачу всей страны неверным европейцам-«*руми*», французы часто прибегали к «неконвенциональным» способам ведения войны. Они выжигали селения и посевы, тысячами вырезали женщин, детей и стариков, иногда просто загоня их в пещеры-«душегубки» и заваливая выход горящим фашинником.

Первых побед на начальном этапе сопротивления алжирцы добились, благодаря политическому и военному таланту эмира Абд аль-Кадира — *шерифа-хашимита* и вождя-*мукаддама* местной ветви суфийского *тариката* Кадирийя, возглавившего джихад осенью 1832 г. Сплотив враждовавшие прежде племена и религиозные братства, он наносил крупные потери французским войскам, принуждая их к перемирию.

Не секрет, что выгодные для обеих сторон перемирия-передышки подчас достигались не только победами алжирских *муджахидов*, но и просто взятками, от которых не отказывались

и высшие чины французской армии. В их числе был и будущий губернатор, «отец колонизации» Алжира Т. Р. Бюжо, некоторые офицеры и генералы в самом Париже, за определенную мзду оказывавшие содействие алжирцам.

Преследуя Абд аль-Кадира на последнем этапе войны, французы в 1844 г. вторгаются в Марокко, обстреливая Танжер и Могадор и впервые заявив о намерении распространить свою африканскую кампанию на владения марокканского султана.

Вынужденный капитулировать (1847), эмир Абд аль-Кадир с семьей и ближайшими соратниками был выслан в Тулон (1848), где застал очередную французскую революцию. Основатель первого алжирского национального государства, Абд аль-Кадир пережил и 2-ю французскую республику, и 2-ю Империю, закончив свои дни под Дамаском (1883).

Принятая в 1848 г. конституция 2-й Республики провозгласила Алжир французской землей и обеспечила законодательную базу для массовой эмиграции и колонизации. Стремясь ослабить социальную напряженность, республиканское правительство отправляло в колонию тысячи люмпенов и просто бомжей.

Плоды этой политики описал тогда в своих путевых заметках российский доктор Артемий Алексеевич Рафалович (1816–1851), посетивший Алжир и Тунис для изучения эпидемий чумы и холеры: *«Туземный мусульманский элемент везде постепенно исчезает: или — от умножившейся бедности, чрез то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы, или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями...»*².

Земельная спекуляция, обнищание «туземцев» вынудили новую имперскую администрацию возродить в колонии «режим сабли» из опасения новых бунтов. В рамках амбициозного плана создания средиземноморского «арабского королевства» под эгидой «императора французов» Наполеон III в 1863 г. провозгласил

² Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 209.

таким «королевством» Алжир, а его племена — «несменяемыми владельцами их земель». Рассматривался вопрос о передаче престола в этом «королевстве» самому Абд аль-Кадиру, проживавшему тогда в Сирии и даже получившему орден Почетного легиона за спасение сотен местных христиан в дни друзско-маронитской резни 1860 г.

Поражение французов в войне с Пруссией (1870) произвело в колонии эффект разорвавшейся бомбы. «Алжиро-европейские» рабочие поддержали Парижскую Коммуну, а «туземцы» подняли восстание в горной Кабилии, охватившее почти треть населения страны. С трудом подавив эти выступления, власти 3-й Республики (1870–1940) развернули широкие репрессии, установив секвестр на землю восставших и начав массовое интернирование всех неблагонадежных в пустынные области юга.

3-я Республика окончательно сделала выбор в пользу ассимиляции колонии — «привязывания» ее политических, экономических, правовых и прочих институтов к соответствующим структурам метрополии. *«Алжир — это Франция с 1834 г. так же, как Бретань — с 1491 г., Эльзас — с 1645 г., Корсика — с 1769 г., Савойя — с 1860 г.»*, — утверждали политики-ассимиляционисты вплоть до середины XX в.

В 1874 г. Алжир посетил капитан генштаба А. Н. Куропаткин (1848–1925), впоследствии — военный министр России. В своем военно-историческом очерке Алжира он подметил главную цель ассимиляции: *«сделать Алжир как бы частью Франции»*. С захватом Алжира «туземцы пришли в соприкосновение с европейцами, что отразилось на них как в лучшую, так и в дурную сторону: увеличился рынок сбыта ремесленных товаров, были проложены дороги, возрос уровень потребностей». С другой стороны, завоевание Алжира сопровождалось «разорением побежденного народа», а частые восстания, вместе с повальными болезнями и голодом, еще больше истощали его.

Между тем, колония начала приобретать и более привлекательные для внешнего мира черты. Добравшись за сутки из Марселя в столицу Алжира, европейцы чувствовали себя там как дома. *«Они находят здесь те же кофейни, какие посещали*

еще накануне в Марселе; перед ними мелькает та же шумная, говорящая по-французски, толпа, какую покинули они не так еще давно на парижских бульварах; те же парижские газеты предлагаются крикливыми гаменами, и мимо мчатся такие же трамваи и омнибусы, как в самой метрополии...», — писал в конце XIX в. Э. Циммерманн³.

Химеры ассимиляции приносили свои плоды. Именно им была обязана рождением типичная для колониальной среды категория «*мусульфранков*» — выпускников колониальной школы, не видевших для своей страны иного пути развития, кроме как под крылом «матери-Франции». Накануне и в годы первой мировой войны на службу в армию и на предприятия метрополии было мобилизовано до четверти миллиона алжирцев, ставших затем фундаментом многочисленной «*трудовой эмиграции*», насчитывающей сегодня во Франции более 3 млн магрибинцев.

Военные конфликты, в которых Франция участвовала в первой половине XX в., не могли не отразиться на положении дел в колонии. Попытки реформ 1918–1919 гг., юбилейный пафос торжеств в честь 100-летия завоевания Алжира на пороге 1930-х гг., демократический «просвет» периода Народного фронта (1936–1938), трагедия капитуляции 1940 г., разгул вишистских и итало-германских служб, наконец, союзный десант в Магрибе в 1942–1943 гг. — все это порождало, а затем и рассеивало новые иллюзии как у адептов ассимиляции, так и у радикалов-националистов.

Выступления 8 мая 1945 г. в Кабилии и в других районах страны, спровоцированные не без участия властей, привели к репрессиям, в результате которых, по некоторым данным, было убито и ранено в общей сложности не менее 40 тысяч человек⁴.

³ Циммерманн Э. Из Туниса в Алжир // Африка. Иллюстрированный географический сборник. М., 1911. С. 39.

⁴ Официальная французская статистика давала гораздо более «скромное» число жертв колониальных репрессий в мае 1945 г.: около 1 тысячи. Правда, эти данные считали заниженными даже американские СМИ.

Так, победный май 1945 г. открыл завершающий этап борьбы алжирцев за независимость.

Война 1954–1962 гг. вызвала шумную реакцию международной общественности. Левые и правые политики во Франции, во всем «*франкофонном*» мире и далеко за его пределами, разразились бурей комментариев и прогнозов. Алжирская проблема выплеснулась на трибуны парламентов и ООН. Советские аналитики «вскрывали суть» войны в Алжире как «агонии» французского и мирового империализма.

Эскалация военных действий и все более согласованные, умелые акции алжирских патриотов вынудили французское правительство перебросить в колонию почти весь личный состав своей армии, а затем и тысячи резервистов, сосредоточив здесь к 1958 г. почти 800-тысячную группировку. В распоряжении же Фронта национального освобождения (ФНО) в то время имелось до 60 тысяч регулярных бойцов-*муджахидов* и около 100 тысяч партизан-*мусабилей и федаев*, но главное — поддержка большинства населения, готового на любые жертвы, чтобы вернуть себе национальное достоинство.

Война в Алжире и провал «тройственной агрессии» против Египта в период Суэцкого кризиса (1956) вызвали политический кризис в самой Франции, окончившийся майским переворотом 1958 г. и приходом к власти Шарля де Голля — последней надежды «сеньоров колонизации». Однако, столкнувшись с катастрофическим падением престижа Парижа при всей бесплодности усилий гигантской колониальной машины и надеясь еще сохранить в Алжире выгодные позиции, дабы не потерять, хотя бы, недавно обнаруженную в здешней Сахаре нефть, де Голль пошел на неизбежный тогда исторический компромисс, заявив в сентябре 1959 г. о признании Францией права алжирцев на самоопределение. Начались переговоры, а с ними и мятежи «ультра», обвинявших президента в измене и более 30 раз готовивших на него покушения.

Железной рукой де Голль выводил страну из лабиринта имперских иллюзий. После прошедшей в 1960–1961 гг. серии переговоров, долгое время не приносивших плодов, но все же

означавших признание Парижем полномочий ФНО и ВПАР (Временного правительства Алжирской республики), был, наконец, выработан протокол для решающих встреч, которые состоялись 7–18 марта 1962 г. в г. Эвиане.

Эвианские соглашения определили условия прекращения огня, сроки и порядок проведения референдума о независимости Алжира, а также принципы дальнейшего развития его сотрудничества с Парижем. Портфель подписанных в Эвиане деклараций вобрал в себя качественно новый опыт урегулирования отношений между бывшей колонией и метрополией. Проведенный 1 июля 1962 г. референдум подтвердил и без того известное положение вещей: 99% алжирцев высказались за предоставление стране независимости. Через два дня Франция признала независимость своей старейшей колонии на севере Африки, а 5 июля, ровно через 132 года после капитуляции дея Хусейна, Алжир был официально объявлен суверенным государством.

Итоги войны в Алжире еще раз напомнили о непреложной, хотя и не очень приятной, истине: вернуть отобранное силой можно лишь силой. Эпоха алжирской войны дала рождение новому поколению глашатаев бунта. Достаточно вспомнить, что именно на этот период алжирской истории пришелся пик общественно-политической деятельности одного из главных трибунов антиколониализма Франца Фанона (1925–1961) — борца против расизма, автора знаменитых «Проклятьем заклеянных», ставших на пороге 1960-х гг. руководством к действию как для революционных вождей «третьего мира», так и для западных интеллектуалов «нового левого движения».

Антиколониальные и антивоенные выступления Ф. Фанона — одного из наиболее ярких публицистов алжирского ФНО, его теория насилия во имя национального и социального освобождения оказали прямое влияние не только на масштабы колониальных потерь, но и на политические потрясения в самой Франции как в мае 1958 г., так и затем в «горячем мае» 1968 г.

Кстати, именно это десятилетие, от падения 4-й Республики во Франции и прихода Ш. де Голля к власти вплоть до его отставки под давлением выступлений студентов и рабочей молодежи, во

многим стало определяющим для последующего общественно-политического развития Алжира.

Триумф освободительного движения и провозглашение АНДР в 1962 г. поставили страну перед новыми испытаниями. Еще на последнем этапе войны, с осени 1961 г., наметился массовый исход европейцев из Алжира. В итоге к моменту провозглашения АНДР в сентябре 1962 г. во Францию, а также и в Америку, Австралию и т.п., выехало более 800 тысяч «алжиро-европейцев», что, наряду с послевоенной разрухой, практически поставило страну на грань экономического краха.

Укрепление левого крыла ФНО и избрание в сентябре 1963 г. первым президентом АНДР одного из исторических вождей-основателей ФНО Ахмеда Бен Беллы, обусловило радикальный характер реформ на начальном этапе независимого развития: «Алжирская революция, — заявил Бен Белла, — должна держать винтовку в левой руке, а плуг — в правой!» Антиимпериалистическая позиция А. Бен Беллы вскоре была оценена. В ходе первого официального визита президента АНДР в Москву весной 1964 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Три года пребывания А. Бен Беллы у власти были наполнены значительными переменами в общественно-политической жизни: от разработки первой конституции АНДР, национализации предприятий и земель, принадлежавших бежавшим из страны колонистам, до первых шагов на пути аграрной реформы и индустриализации. Все это вызвало серьезные социальные сдвиги, а вместе с ними и рост политической оппозиции. Утратив популярность даже среди недавних своих приверженцев, А. Бен Белла был низложен в ночь на 19 июня 1965 г. в результате государственного переворота, который привел к власти Революционный совет во главе с министром обороны полковником Хуари Бумедьеном.

Леводемократические идеалы и ценности эпохи Бен Беллы были решительно отодвинуты новым руководством на задний план. Алжир все меньше напоминал теперь «африканскую Кубу» и все больше обращался к диверсификации своих внешнеполитических и экономических ориентиров. ФНО же превращался

в монолитную авторитарную партию, «государство в государстве», очищая свои ряды от «марксистов» — сторонников Бен Беллы.

Располагая немалыми запасами нефти и природного газа, разработка которых была начата вскоре после второй мировой войны, АНДР все увереннее заявлял о себе в клубе ближневосточных производителей углеводородного сырья, подкрепляя нефтедолларами развернутые социально-экономические программы.

В 1971 г. в стране была национализирована газо и нефтедобывающая промышленность. Принятие Хартии социалистического управления предприятиями и закона об аграрной революции при государственном планировании обеспечило высокие темпы индустриализации и превращение Алжира в наиболее динамично развивающийся экономический центр на северо-западе Африки.

В 1971–1978 гг. не без содействия как социалистических стран, так и западных, прежде всего, французских компаний, в АНДР было введено в строй до 300 заводов, 150 новых оросительных каналов, линий электропередач и других объектов. В рамках четырехлетнего плана 1974–1977 гг. было начато сооружение еще более 500 народнохозяйственных объектов. К 1977 г. в четыре раза по сравнению с 1962 г. возросло производство электроэнергии.

Подобные перемены привели к структурным сдвигам в социально-политической сфере, включая усиление роли национальной бюрократии и буржуазии, что отразилось и в принятом в 1976 г. проекте Национальной Хартии и в утвержденном тогда же тексте новой конституции. «Национал-бонапартистский», по выражению Р.Г. Ланды, курс Хуари Бумедьена (1965–1978) характеризовался стремлением сохранять равноудаленность от всех ведущих социальных групп алжирского общества.

Кончина Х. Бумедьена в декабре 1978 г. поставила страну перед очередным сложным выбором. В феврале 1979 г. президентом был избран Шадли Бенджедид, по сути, последний представитель единовластия ФНО, столкнувшийся вскоре с ростом политической оппозиции и активизацией выступлений исламистов и берберистов.

Итоги XX столетия в Алжире продемонстрировали во многом типичную для арабских стран Северной Африки модель эволю-

ции: от европейской колонизации бывших османских провинций — через подъем национальных движений — к завоеванию государственного суверенитета.

Характерным для общественно-политического развития большинства арабских стран в условиях деколонизации было и заметное усиление религиозного фундаментализма, пришедшего на смену революционно-демократической идеологии, особенно характерной для стран социалистической ориентации, лишившихся к концу 1980-х гг. поддержки со стороны своего «старшего брата».

Как известно, в АНДР подобные явления приняли особенно драматичный поворот. Рост влияния основанного в 1989 г. Исламского фронта спасения (ИФС) и других радикальных исламистских групп подорвал позиции ФНО, привел к роспуску парламента и уходу в отставку Шадли Бенджедида (1992).

Затянувшаяся далее «латентная» гражданская война сопровождалась гибелью в результате развязанного экстремистами террора десятков тысяч алжирцев, причем далеко не только активистов ФНО или связанных с официальными структурами лиц, но также иностранных дипломатов и специалистов (к началу XXI в. в стране погибло до 150 тысяч человек).

Атаки радикальных исламистов приобрели в Алжире впечатляющий размах. Даже отмечавшееся 40-летие независимости не обошлось без роковых сюрпризов. 5 июля 2002 г. на центральном рынке города Ларбаа произошел мощный взрыв, унесший более тридцати жизней. Жертвами кровавой резни становились сотни горожан и крестьян.

Недавняя столь драматическая страница в истории «постсоциалистического», «постоднопартийного» Алжира во многом объясняется, на наш взгляд, тем влиянием, которое оказало и продолжает оказывать на нынешнее состояние общества его более чем вековое колониальное, «ассимиляционистское» прошлое и, не в последнюю очередь, размах и жертвы освободительной войны 1954–1962 гг. — войны, принесшей Алжиру долгожданную независимость, а с ней и все бремя «свободного выбора».

Несколько лет назад автор этих строк вновь получил возможность обратиться к феномену колониального прошлого Алжира в связи с подготовкой к публикации перевода сочинения известного «алжиро-французского» мыслителя — философа и историка, социолога и религиоведа — Мухаммада Аркуна (1928–2010).

Творчество этого *«историка мысли»*, как предпочитал себя называть сам М. Аркун, к сожалению, знакомо сегодня не столь широкому кругу отечественных историков и востоковедов. Между тем, роль этого ученого в развитии философской мысли, в осмыслении колониального опыта мира ислама трудно переоценить.

Родившийся в кабилском селении Таурирт-Мимун незадолго до празднования в Париже и Алжире 100-летия начала французского завоевания его родины, М. Аркун впитал в себя культуру и духовность разных народов мусульманского Запада — арабов, берберов-кабилы и даже мусульман-морисков Испании. (По словам Р.Г. Ланды, предки М. Аркуна, возможно, принадлежали к вынужденным покинуть в средние века страну Ал-Андалус мусульманам из Арагона, откуда и его фамилия «Аркун». — Н.Д.)

Окончив в 1952 г. Алжирский университет (где спустя три десятилетия имел честь пройти аспирантуру и автор этих строк), М. Аркун становится свидетелем кровавых событий антиколониальной войны, стоившей соотечественникам сотен тысяч жертв и вошедшей в историю мусульманского Магриба как *«война миллиона мучеников»* (араб.: *«харб мильюн шахид»*).

События тех далеких лет оказали глубокое воздействие на формирование общественных и научных воззрений алжирского ученого, практически все труды которого так или иначе затрагивали проблему историко-культурных отношений, противостояния и взаимодействия Запада и Востока, прежде всего приверженцев трех авраамических религий (араб.: *«акаид Ибрахим»*): христианства, ислама и иудаизма.

Работа М. Аркуна «Гуманизм и ислам. Сражения и суждения» — это сборник авторских исследований и суждений по фундаментальным вопросам арабо-мусульманской философской

и этической, религиозно-правовой и социально-политической мысли с привлечением разнообразных источников и памятников средневековой арабо-мусульманской науки (от ал-Фараби и Ибн Сины до Ибн Рушда, Ибн Араби и Ибн Халдуна), а также трудов европейских ученых Нового времени (Т. Нельдеке, Л. Массиньон, Б. Льюис, П. Бурдые, Г. фон Грюнебаум, А. Пиренн, М. Родинсон, А. Микель и др.)

Содержание книги, по словам М. Аркуна, отражает главные этапы его становления как ученого — философа, теолога и социолога, а также «интеллектуальный путь», пройденный им, начиная с книги *«Арабский гуманизм»* («Humanisme arabe», 1970) и заканчивая «новой постановкой вопроса о гуманизме» столь актуальной сегодня.

Эта «новая постановка вопроса о гуманизме», по словам М. Аркуна, была основана на опыте «важнейшего исторического периода, продолжавшегося с 1945 по 2004 г.».⁵

Во многом соглашаясь с мыслями своего современника, арабо-американского культуролога Эдварда В. Саида (1935–2003) о судьбах Востока, М. Аркун констатирует: колониальная история, которую начиная с XIX в. пишут западные авторы, была *«запятнана антигуманизмом»*. Во второй половине XX в. постколониальные партии-государства (*Partis-États*) повсеместно препятствовали формированию гуманистической позиции и культуры в своих странах. В эту эпоху можно было увидеть людей, работавших на планомерное уничтожение других людей. Красивые резолюции Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН после 1945 г., всё чаще становились предметом пренебрежения, игнорирования и грубых нарушений. Вслед за гонкой «сдерживающего» ядерного вооружения развязывались войны, во всех отношениях худшие, чем колониальные кампании XIX в. (Добавим: «контртеррористическая операция» в секторе Газа — последний наглядный тому пример).

Европоцентристский взгляд на Восток стал неотъемлемой чертой духовной экспансии, направленной на деперсонализа-

⁵ Аркун М. Гуманизм и ислам. Сражения и суждения. М. 2021.

цию, дегуманизацию колониального общества, что отмечали вышеперечисленные представители антиколониальной мысли и что наглядно продемонстрировала вся летопись освободительной борьбы Алжира, в первую очередь, хроника войны «миллиона мучеников».

N. N. Diakov
**Algeria: a war of a million of martyrs.
Commemorating the 70th Anniversary
of the Liberation War in Algeria**

Summary. The war in Algeria which exploded the world public opinion at the turn of the 1950-ties – 1960-ties resulted in the most dramatic experience of the anticolonial movement of the 20th c. The consequence of that bloody war, which took away about a million of human lives, was not only liberation of Algeria after 130 years of the French colonial dominance, but also a fall of the 4th Republic and destruction of one of the biggest transcontinental empires of the modern times. The colonial history of Algeria needs a deeper research. Even after decades the historians called an «algerization» those complicated social and political processes that developed all over the post-Soviet areas influencing destinies of millions of Russian-speakers, who suddenly lost their motherland. The war in Algeria, in fact, divided the modern history of Algeria and of the former «French Maghreb» into two stages: 1) a period of a relatively stable colonial regime in the 1st half of the 20th C., and then 2) a period of a rapid rise of the anticolonial movement and then a half-century of the revolutionary reforms in social, political and cultural life of the country.